

АНТИОХ КАНТЕМИР И АНГЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА*Н. Д. Блудилина*

Русский поэт Антиох Дмитриевич Кантемир (1709–1744) – яркая личность русского Просвещения. Исследование большого количества неизвестных до сих пор писем и документов с учётом уже опубликованных материалов дают возможность впервые получить достаточно цельное представление об интересе А. Д. Кантемира к английской культуре (литературе, искусству, философии), о его знакомствах в культурной среде Лондона; более полно установить, каковы были суждения поэта о тех или иных общественных, политических и культурных явлениях британского мира.

9 ноября 1731 г. Кантемир получил из рук императрицы Анны Иоанновны грамоту о назначении его русским резидентом в Англии¹, в путешествие за границу молодой дипломат отправился 1 января 1732 г.²

Определение А. Кантемира на посольскую службу было и признанием заслуг и таланта молодого поэта, и широты его образования, полезными оказались и его связи с императорской фамилией³. А. Кантемир занимал не последнее место в тогдашней политической иерархии⁴.

Кантемир прибыл в Лондон 30 марта 1732 г. и провёл там шесть лет (он покинет Лондон в сентябре 1738 г., получив назначение российского посланника в Париже⁵), что дало ему возможность обстоятельно познакомиться с самой развитой в то время экономически и политически страной Европы⁶.

Установление конституционной монархии в Англии вызвало живой отклик в просвещённых кругах государств с монархическим строем. В 1733 г. Вольтер опубликовал в Лондоне «Письма об английской нации» («Lettres sur les Anglais»), в 1734 г. они вышли в Руане как «Философские письма» («Lettres philosophiques»). В «Письме восьмом. О парламенте» Вольтер писал: «Члены английского парламента любят сопоставлять себя при каждой возможности с древними римлянами ... существенное различие между Римом и Англией, полностью говорящее в пользу этой последней, а именно плодом гражданских войн в Риме было рабство, плодом английских смут – свобода. Английская нация – единственная на Земле, добившаяся ограничения королевской власти путем сопротивления, а также установившая с помощью последовательных усилий то мудрое правление, при котором государь, всемогущий, когда речь идет о благих делах, оказывается связанным по рукам и ногам, если он намеривается совершить зло; при котором вельможи являются грандами без вассалов, а народ без смут принимает участие в управлении»⁷.

В 1748 г. Монтескье писал в «Духе законов» («L'Esprit des lois») о преимуществах политической системы конституционной монархии. Но, в действительности, нации и эпохе, создавшей первую конституционную монархию, подобала и слава открытия её теории.

Первоначально о преимуществах конституционного государственного строя написал Локк в «Двух трактатах о правлении», в которых он хотел обосновать и защитить от нападков как абсолютизма, так и республиканизма политическую систему, введённую в Англии Вильгельмом Оранским. Локку удалось в своей теории примирить революционное стремление к свободе с необходимостью исторического развития. Английский философ понимал характер современного государства прежде всего как полное разделение политической и церковной власти; государство теперь основывалось на договоре, в силу которого все граждане передали своё право государственной власти для его более надёжной охраны; но эта власть должна быть вверена не произволу отдельной личности, но *воле большинства*: власти представительства граждан государства, их сословий, их интересов и их исторических прав в законодательных корпусах. Это требовало разделения исполнительной и законодательной власти. Последняя как в её внутреннем проявлении, так и в её отношении к другим государствам была передана в руки наследственной монархии⁸.

К моменту прибытия Кантемира в Лондон у власти находился английский король Георг II (правил с 1727 по 1759 гг.). Фактически же власть в стране принадлежала премьер-министру Роберту Уолполу (1676–1745), который искусно управлял государством, вопреки парламентской оппозиции, и при этом не брезговал никакими средствами, в том числе и подкупом депутатов. Он считался выдающимся финансистом и отстаивал в интересах торговой буржуазии мир и товарообмен. Георг II являлся и герцогом Ганноверским, поэтому он редко бывал в Лондоне; предоставив полную свободу действия Уолполу, он не вмешивался в дела парламента. В 30-е годы симпатии народа к королю и его министрам постепенно утрачивались. Лондонская буржуазия была недовольна осторожной политикой Уолпола и требовала войны с Испанией за обладание колониями, тем более что испанские суда не раз нападали на английские торговые корабли. Неурожай и голод 1740 г. дали оппозиции дополнительные преимущества «свалить» в 1742 г. казавшегося всесильным, но утратившего популярность Уолпола. На стороне оппозиции был высланный из страны лорд Болингброк (1668–1751) и принц Фредерик Льюис Уэльский (1707–1751), который завоевывал симпатии народа, выступая против короля⁹.

Все эти события в той или иной степени нашли своё отражение в официальных донесениях русского дипломата к своему правительству и частной переписке.

А. Кантемир был приверженцем абсолютизма. В 1730 г. он выступил в поддержку самодержавия императрицы Анны Иоанновны, полагая, что в данных исторических обстоятельствах будет лучше для россиян, если всё останется по старому. При этом он был уверен, как истинный воспитанник просвещённой эпохи, что справедливый монарх будет всегда считаться со своим народом. В 1731 г. он писал о христианской монархии: «Власть, сила беспредельная, корона и скипетр внешнее есть украшение, подчиненным к исправлению и полезное, доброта же нравов, внутренняя души краса, которая самой ей путь к неизреченному показывает блаженству»¹⁰. Идеальным монархом, как и многие его современники, поэт считал Петра Великого, «достойного вечной славы императора, распространивше-

го власть и славу государства своего, введшего добронравие в народ, святы учредившего законы и ненапрасно названного отцом отечества»¹¹.

Поэтому естественно, что во время своего пребывания в Англии Кантемир проявил особый интерес и к системе английской конституционной монархии, и к её представителям. В своих письмах русский дипломат давал свою оценку и английскому королю, и его министрам.

29 августа 1738 г. Кантемир докладывал своему правительству о Георге II: «...государь весьма честного характера и в слове своем приметного постоянства, если бы нужда здешних законов и часто советы министров к противному его величеству на понуждали. Вспыльчивый е<го> в<еличества> нрав причину подал к несогласию с сыном, который, с своей стороны, может быть, больше, нежели прилично, с противниками е<го> в<еличества> сообщается, и пока е<го> в<еличества> поступок в сем не отменится. Мало согласия с отцом в сем ожидать можно»¹².

Новые материалы из частной переписки Кантемира дополняют эти суждения: «...я прочитал в английских газетах (Милорд Уолдгрейв присылает мне самые свежие) о почестях, оказанных Пр. Уэльскому в провинциях. Я чрезвычайно одобряю сами почести, но не намерения тех, кто их оказывал, ибо Английский Король самый достойный из людей, коих носит земля: он приветлив и ничуть не посягает на права своих подданных, посему у них нет причин на него жаловаться», – писал русский дипломат 23 декабря 1738 г. из Парижа своему корреспонденту в Лондон – Гастальди¹³. И, подтверждая своё мнение, добавлял в следующем письме от 14 января 1739 г.: «Все, что я писал вам о Короле Великобритании, суть мои подлинные чувства и, разумеется, когда я посылал письмо, у меня в мыслях было только высказать мои чувства. Так что никакой лести тут нет»¹⁴.

Отзываясь с похвалой об английском короле, Кантемир в то же время по достоинству оценил миролюбивую политику английского кабинета министров во главе с премьером Уолполом, заботу о правах верноподданных. В депеше императрице от 29 августа 1738 г. он докладывал: «Господа Вальполи безсумнительно всю силу здешняго правления в своих руках имеют. Большой брат Роберт, человек весьма добрый и остраго ума, и по своему ауторитету в парламенте видно, что к внутренним делам много искусства имеет, и, зная совершенно склочность своей нации, куда хочет их влечет, наипаче употребляя к тому *золотую* узду. В делах чужестранных, как все генерально здесь признают, не много знания имеет, и потому особливо брата своего почитает, чая, что многия посольства, в которых он обретался, дали ему способ в том искуситься. Я не могу сказать, праведно ли то его мнение или нет, понеже за многословием, которое господин Горас (Вальполь) в своих разговорах употребляет, основательное разсуждение почти оным подавлено, и удача в его негоциациях мало в его пользу показывает, хотя впрочем и он не лишается остроты ума и приятнаго обхождения. Оба братья, опасаяся от войны приумножения неприятелей своих или разделения власти своей во многия руки, тишину любят, и потому многия аванжаги потерять лучше склонятся, чем навесьное себе опаство; потому при правлении их трудно ожидать отсюда какого смелаго действия. Дюк Ньюкастль, статский секретарь полуденных дел, имеет великую

понятность и память, но весьма мало атенции к чужестранным делам дает, будучи непрестанно в своей деревне и упражняясь приумножать себе в провинциях друзей, которыми и место свое сохраняет. Великия его вотчины, число друзей и родни дают ему несколько голосов в парламенте, что понуждает господ Вальполев не учинить себе его неприятелем, а инако давно бы свой чин потерял. Милорда Гаринтона, статскаго секретаря северных дел, можно взять образцом честнаго и добраго человека, который снабден природными основательными рассуждениями и многим искусством. Обе здешния противныя стороны равно его любят и почитают; нет такого, кто б был им недоволен; нраву весьма тихаго, малоречив, не лукав, и столько недруг всяких замешательств и высокомыслия, что хотя его королевское величество к нему гораздо милостив, кавалер Вальполь ему не ревнует, и, подлинно, способнейшаго он, Вальполь, себе приискать не мог бы, понеже милорд, кроме своей должности, ни в какия дела не вступает, зачем я надеюсь, что он место свое сохранит, со всем тем, что Горас Валиполь горячо желал бы оное себе присвоить. О членах тайнаго совета не упоминаю, понеже ни силы никакой не имеют, ни господину Вальполю противиться отважны. Ничего также примечать можно о прочих придворных, которые ни в какия дела не вступают, разве когда господин Вальполь кому что позволить и его величество ни которому из них отменную милость не являет»¹⁵.

Кантемир был на стороне Уолпола. Он даже решительно осудил в одном письме махинации лондонских торговцев, препятствовавших политике этого кабинета министров. А в другом письме, от 10 марта 1739 г. к другу Гастальди, понимая, что положение премьер-министра становится шатким, он замечал: «Я просто ошеломлен тем, что шевалье Уолпол оказался в таком лабиринте, из которого он не в состоянии выйти с честью, ибо все считают, что соглашения, которые он заключил, не отвечают интересам нации, сгущающиеся облака угрожают громом и молнией, и мне, имевшему удовольствие прожить несколько лет в Лондоне, нетрудно было подтвердить все это»¹⁶.

Кантемир был поражён тем, как быстро некоторые верные в прошлом сторонники королевской партии перешли на сторону оппозиции, прежде всех – лорд Эссекс. О нём Кантемир иронически заметил, что он, собственно, ни к какой партии и не принадлежал, а думал только о «собственных удовольствиях»¹⁷.

Но уважение поэта вызвал поступок лорда Скарбороу, который, перейдя в лагерь оппозиции, терял солидный пост, который приносил ему ежегодно 5000 фунтов стерлингов дохода. Кантемир даже заметил, что поступок лорда достоин того, чтобы написать об этом роман: ведь лорд думал не о себе, а только об интересах отечества, и в этом он настоящий герой романа¹⁸.

Вообще же взгляд Кантемира на происходившее в Англии был далеко не лестен: «...здесь не происходит ничего выдающегося, кроме восстания в Шотландии, из коего совершенно напрасно сделали событие. Толпа пожелала повесить Капитана и таки повесила его, однако Двор решил наказать исполнителей столь своеобразнаго правосудия, туда были посланы войска, а офицеры, стоящие во главе их, один за другим прибыли в Эдинбург. В нашем городе также нашумела акция против крепких напитков, здесь бесконечное множество пьяниц, и они были

повержены сим решением в траур, но добрая гвардия вступила во все кварталы и не дала совершиться беспорядкам, и теперь уже потихоньку меняют свое ремесло на другое»¹⁹.

Поэт, реалистически изобразив в своей пятой сатире картину пьянства в городе (по-видимому, под английскими впечатлениями) прокомментировал, как можно бороться с этим пороком: «Парламент английский, усмотрев, что народ чрезмерно пьянству вдался, учредил в 1736-м уставом своим наложить на крепкие питья высокую весьма пошлину и запретить всем кабатчикам продавать в розницу меньше двух галенков; таким образом отчасти чрезмерное вина употребление в Англии пресечено»²⁰.

Не случайно Кантемир оценивал внутривосточную ситуацию в Англии как весьма колоритную, достойную быть представленной «в каком-нибудь альманахе»²¹.

Изменились ли политические идеалы Кантемира в конце 30-х годов? Возможно, просвещённому русскому дипломату отчасти импонировала английская конституция, согласно которой парламент контролирует верховную власть, – при таком ограничении власти монарх никогда не преступает законы, и подданные уверены в своих правах и пусть относительной, но свободе. Но вряд ли можно утверждать, что в своих политических суждениях 1738 г. Кантемир уже отверг истинность идеи абсолютной монархии «Божьей милостью» и поверил в превосходство закона над личной властью согласно идеям Локка, изложенными нами выше, предвосхищавшими и «Дух законов» Монтескье (1748), и «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо (1762).

Кантемир вовсе не сочувствовал свободе английской печати, что также нашло отражение в его письмах из Лондона. Когда в газете «Evening Post» от 6 апреля 1732 г. появилась статья с неслыханными выпадами против России, попытки русского дипломата узнать, кто был её автор, оказались безуспешными, Кантемир написал непосредственно Остерману: «...здесьшний народ волен, и нравом своим убеждаются более о том говорить, что говорить запрещено»²².

В 1735 г. у российского дипломата особую озабоченность вызвало появление антирусского памфлета «Московитские письма» («Lettres Moscovites»), по поводу которого Кантемир докладывал Остерману 14 ноября 1735 г.: «Сиятельнейший граф, милостивый государь мой, на сих днях явилась здесь книжка, в осмешку печатная на французском языке в Париже чрез Huart l'aine под титулом «Lettres Moscovites», о которой нужно мне показалось вашему сиятельству покорно донести, понеже насколько я ни видел изданных до сих пор сатир и либелльов, сия с крайнейшею безстыдностью и предерзостью порекает двор, министров и весь народ российский, одну высочайшую ея импер<аторскаго> велич<ества> и принцев крови особ выключая»²³.

В соответствии со своим дипломатическим статусом Кантемир поддерживал официальные контакты с высшими государственными деятелями страны. Биографы отмечают, что у него были официальные встречи и с английской королевой Каролиной, поддерживавшей политику Уолпола²⁴. Она проявляла интерес к науке, была в переписке с Лейбницем, помогала композитору Генделю, жившему в то

время в Англии. Сведения о знакомствах Кантемира в кругах английской аристократии весьма скудны.

Круг лондонских знакомых А. Кантемира составляли в первую очередь, дипломаты: Джузеппе Осорио Ахаркон, греческий посол Сардинии; Винченцо Пуччи, секретарь посольства герцога тосканского; Джаам Батиста Гастальди, уполномоченный посол республики Генуя; Марко Антонио Азеведо-Коутинхо, чрезвычайный посланник португальского короля; Джованни Джакомо Замбони, представитель герцога Гессен-Дармштадского, барон Иоганн Адольф фон Лосс, посланник прусского короля, – все они были аккредитованы при английском дворе. В 1735 г. в Лондоне образовалось своеобразное собрание друзей и коллег – дипломатический камерный «клуб» из восьми человек – Кантемир считал себя его основателем и «законодателем». На встречах членов этого клуба, во время застолья, шли поэтические споры и произносились речи на манер Французской академии.

Сохранился панегирик в честь А. Кантемира, написанный его коллегой Винченцо Пуччи:

Вот что я вам скажу
 Вот мой достойный тост
 С благородным напитком
 Крепкого вина,
 Шипучего и ароматного
 Из Франции, Испании, Венгрии,
 Греции и Италии
 В клубе дипломатов
 Мы поднимаем полные бокалы
 И я часто в этом участвовал
 Поднимал бокал и громко восклицал:
 Да здравствует Кантемир,
 Да, Кантемир, браво!²⁵

В общении с англичанами Кантемиру мешало недостаточное знание английского языка; при дворе и со своими коллегами-дипломатами он общался на французском языке. В депеше к министру Остерману в июне 1732 г. российский дипломат объясняет невозможность ежедневно просматривать груды английских газет, листовок и брошюр тем, «...наипаче что весьма мало по-англицки разумею и человека к тому способного при себе не имею»²⁶. В штате посольства переводчик появился только в 1733 г. Все бумаги для английского правительства Кантемир готовил на французском языке²⁷. Возможно, русский поэт, способный к языкам, со временем овладел английским языком пассивно. Об этом свидетельствуют написанные по-английски письма священника российской миссии Кассано из Лондона Кантемиру в Париж²⁸.

Из писем Кассано от 19 января и 15 марта 1744 г. узнаем, что Кантемир поручил ему приобрести и послать в Париж следующие английские книги: «Гудибрас» Батлера; «Сочинения» Свифта в 11 томах; «Философию» Роунинга, 7 и 8 тома; «Всеобщую историю» Салмона, 7 том; «Историю Азии и Восточной Индии» Геррераса, 6 том и др.²⁹

В личной библиотеке русского поэта англоязычные книги представлены скромно. Из английских классиков в оригинале: Джон Мильтон, поэмы «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» («Paradise lost» № 495, «Paradise regained» № 496); Поуп «Сочинения» («Works, London 1736, 9 Bde.», № 551) и Джонатан Свифт «Путешествие в Каклогаллинию», («Voyage de Kacklogallinia, London 1722, anglois», № 93); из английских драматургов: комедии Уильяма Конгрива («Les ouvrages dramatiques de Congreve, Lond. 1732, anglois», № 492) и известная пьеса Ричарда Стиля «Искренние любовники», («The conscious lovers, London 1730», № 499)³⁰.

Подбор книг английских классиков в библиотеке Кантемира был не случаен, а согласовывался с поисками духа русского поэта, в том числе и творческими. Мильтон в своих поэмах на библейском материале аллегорически отражал слом прежних форм жизни и мирозерцания, мятежное стремление человеческого духа выйти за ограниченные Божьей заповедью пределы познания мира и самого себя. (В действительности была религиозно-политическая борьба в Англии периода реформации.) Священник в сатире «Дунсиада» (1728) бичевал невежество и глупость (см. сатиры Кантемира на эту же тему), а в философских поэмах «Опыты о морали» (1731–1735) и «Опыт о человеке» (1732–1734) прославлял гармонию всего сущего (в дальнейшем русский поэт будет работать над философским сочинением «Письма о природе и человеке»). Свифт в своих памфлетах разоблачал новейшие идейные извращения, обнажал глубинную фальшь грядущего прогресса, осмеивал силу печатной пропаганды, «свободной» как ей заблагорассудится измышлять и отменять факты³¹. Возможно, Кантемир учился и у Свифта оттачивать свой сатирический дар.

Конгрив (1680–1729) в своих комедиях с большим мастерством изображал нравы английской аристократии («Пути светской жизни», 1700), не морализируя при этом и не обличая, в отличие от Стиля (1672–1729), часто впадавшего в своих пьесах в сентиментализм и риторику. Реалистически точное изображение быта и нравов современной Англии в жанре комедии (по утверждению исследователей подготовившие почву для появления английского реалистического романа и драмы³²) были по душе русскому поэту. Кантемир-аристократ не одобрял свободу нравов, воцарившуюся в светском обществе. Он писал из Парижа в Лондон 24 февраля 1739 г. своему другу Осорио, осуждая любовные отношения и «неравные» браки английских аристократок: «Дай Бог здоровья тому, кто проглотит такую горькую пилюлю, как Миледи Анна Лавлей. Что до меня, случись у меня сильнейший приступ вожделения, меня бы не заставили воспользоваться таким лекарством, если не считать различие в характерах и рождении или иначе сказать *mutatis mutandis*, Миледи Герберт и Франклин могут быть в том же списке»³³.

Кантемир, интересуясь английскими классиками, читал их и во французских переводах: Томаса Мора «Утопию» (№ 603); Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» («2 tomes, La Haye 1730», № 604) и «Сказка о бочке» («à la Haye 1732, 2 vol.», № 601). Русский поэт питал настоящее пристрастие не только к сатирам и памфлетам (Свифта и Боллингброка), но и к произведениям моралистического содержания (писателей Ричарда Стиля и Джозефа Аддисона, основателей и изда-

телей ниже указанных журналов), широко представленными в современной ему английской беллетристике и журнальной литературе.

В библиотеке Кантемира находим сатирические и моралистически-дидактические английские журналы: «The Tattler», за 1733 г. (№ 489); «The Guardian», в 2 томах за 1729 г. (№ 502); «The Freethinker», в 3 томах за 1733 г. (№ 488); «The Freeholder», за 1732 г. (№ 498) и др.

Последние два журнала были значительнее всех еженедельников того времени не только в литературном отношении, но и своим радикальным мировоззрением и политическим направлением. «The Freeholder» печатал работы Аддисона (1672–1719), в которых он выступал против католической тирании за протестантскую конституционную монархию. «The Freethinker» подвергал резкой критике «религию откровения» с позиций «здорового смысла», рассматривал свободную мысль как основу любой человеческой свободы: «В странах, где свободное проявление разума полностью подавлено и рассматривается как преступление, мы видим наглядно, как народ стонет под ярмом рабства и невежества, суеверий, праздности и нищеты»³⁴.

С действительным проявлением европейских свобод русский поэт хорошо познакомился в деле с «Московитскими письмами» (см. выше). О современной английской беллетристике Кантемир был также не очень высокого мнения, о чём писал из Лондона 6 марта 1738 г. Полиньяку в Париж: «...с литературой здесь так же худо, как и во Франции, писатели здесь, как и у вас, пишут лишь всякий вздор...»³⁵

Проявлял русский поэт интерес и к английской философии, истории, политике и естественным наукам. В библиотеке Кантемира находим в оригинале: «Два трактата о правительстве» Локка, Лондон 1728 (№ 440); «Краткое изложение хронологии Ньютона» Рида (№ 691); «Историческая хроника» Томаса Салмона, Лондон 1733 (№ 470); «Всеобщая история с самых ранних сведений до настоящего времени» в 6 томах, Лондон 1737 (№ 35); «Новая история Англии в вопросах и ответах», Лондон 1735 (№ 120); «Диссертация о партиях» ведущего деятеля оппозиции лорда Болингброка, Лондон 1735 (№ 481); «Пособие по географии» Грегори (№ 786) и др.

Труды великого естествоиспытателя и основателя механической натурфилософии Исаака Ньютона среди книг Кантемира можно найти на разных языках: *латинском* («Varenii geographia generalis ab Isaaco Neuthono, Cantabrigiae 1681, In 8», № 355; «Philosophia naturalia principia mathematica auctore Neutono, Amsterdam 1723, in 4», № 624), *английском* («Abrégé de la Chronologie de Newthon, par Read (angl.), in 8, Londres», № 691), *французском* («Optique de Neuthon traduite par La Coste, à Paris 1722, in 4», № 346; «La chronologie de Neuthon, à Paris 1728, in 4», № 338), *итальянском* («Philosophie de Newton expliquée par M.Pemberton et traduite en italien, à Venize 1733, in 4», № 800).

Очевидно, что Кантемир был хорошо знаком с идеями Ньютона – теологическим пониманием природы: бесконечная премудрость Бога с самого начала создала и пустила в ход огромную мировую машину таким образом, что Бог может окончательно предоставить её самой себе, ибо вполне уверен в её целесообразной

деятельности³⁶. Механическое понимание природы во взаимосвязи с восхищением перед её целесообразностью давали новое и своеобразное физико-геологическое доказательство бытия Бога. Просвещённому столетию виделось в этом более достойное понимание Бога, чем в обычном религиозном взгляде, по которому действия явлений природы сводятся к непосредственному воздействию божественного разума. Идеи Ньютона далее были последовательно развиты во французской натурфилософии, в том числе в сочинении Фонтенеля «Размышления о множестве миров» (1686), известном русскому поэту.

С наиболее значительными произведениями английского Просвещения Кантемир познакомился по французским переводам. В том числе с трудами Джона Локка (1632–1704): «Разумность христианства» («*Christianisme raisonnable*», № 303) и «Воспитание ребенка» («*Éducation des enfants*», № 633). Философия естественной религии представлена в библиотеке русского поэта сочинениями Самуэля Кларка (1675–1729) («*De l'existence de Dieu, trad. Par Ricoties, 2 Bde., Amsterdam 1717*», № 84), Вильяма Волластона (1659–1724) («*L'Ébauche de la Religion naturelle, par M. Wollaston avec le supplément, à la Haye 1726, in quarto*», № 61), Бернара Мандевилья (1670–1733) («*Pensées libres sur la religion, l'église et le bonheur de la nation. Traduit de l'anglais du docteur B.M. à la Haye 1722*», № 290).

Кларк в своей книге «О существовании Бога» утверждал космологическую теорию доказательства бытия Бога и поддерживал религию, ориентированную на чувство. Волластон в «Очерке естественной религии» признаёт Бога как создателя жизни, мысли, чувства и душевных способностей, но деятельностью общества должен управлять естественный принцип сообразности, не противоречащий всеобщему благополучию и законам человеческой природы. Мандевиль в знаменитой «Басне о пчелах» рисует состояние человеческого общества под видом пчелиного улья: Зевс, уступая просьбе пчёл, сделал их всех добродетельными – и вся машина общественной жизни и государственного устройства остановилась – общество оказалось осуждённым на самую плачевную летаргию. Культура, на которой сосредоточено человеческое стремление к счастью, находится во внутреннем противоречии с добродетелью, к такому выводу приходит автор трактата, открывший культурно-философскую диалектику Просвещения. Философы-моралисты сводили законы нравственной жизни к чисто теоретическим принципам. Кларк, отыскивая объективный принцип нравственности, понимал её законы как предписания, налагаемые на человеческий произвол естественным строем вещей. Мандевиль измерял нравственные и общественные положения степенью доставляемого ими благополучия³⁷.

Читая переводные книги, Кантемир не просто знакомился с основными течениями в английской философии религии: натурфилософией, естественной религией, деизмом; но и становился приверженцем рационалистического мировоззрения эпохи. Во главе убеждений ведущих мыслителей эпохи Просвещения стояло самосознание человеческого разума. Картезианская попытка рационализировать весь мир, выраженная сначала как чисто научная система, впоследствии перешла в практическую веру в силу разума. Это было современное Кантемиру мировоззрение, пробудившееся тогда к осознанию собственного совершеннолетия и требо-

вавшее повсюду права – мышлению самому предписывать себе законы, находить при помощи разумного подхода принципы всякой деятельности и не признавать над собой никакого иного судьи. Английская философия Просвещения была скорее умозрительной, не приходила в самое живое соприкосновение с задачами общественной жизни, в том числе и искусства.

Общий взгляд Кантемира на британскую действительность был скептическим и отчасти субъективным, в чём признавался и сам поэт: «Наши пристрастия, настроения, порой наши капризы представляют собою род очков, заставляющих видеть предметы не в том цвете, в коем они существуют на самом деле: мои очки говорят мне, что ... скучен ... и Лондон.»³⁸.

¹ ПФА РАН. Р. I. Оп. 2. № 3. Л. 139.

² *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, с портретом автора, со статьей о Кантемире и с примечаниями *В. Я. Стоюнина*. – СПб., 1867–1868. – Т. 1. – С. LXXXI.

³ См.: *Корсаков Д. А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. – Казань, 1880. – С. 269.

⁴ См.: *Гершкович З. И.* К биографии А. Д. Кантемира // XVIII век. – М.-Л., 1958. – Т. 3. – С. 457.

⁵ *Ehrhard M.* Le prince Cantemir à Paris. – Paris, 1938. – S. 41–42.

⁶ См.: *Стоюнин В. Я.* Князь Антиох Кантемир в Лондоне // Вестник Европы. – 1867. – № 1–2.

⁷ *Вольтер.* Философские сочинения. – М., 1988. – С. 91–92.

⁸ См.: *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Том 1. От Возрождения до Просвещения. – М., 2000. – С. 284.

⁹ См.: *Татаринова К. Н.* Очерки по истории Англии 1640–1815 гг. – М., 1958. – С. 252–257.

¹⁰ *Кантемир А. Д.* Сочинения... Т. 1. С. 306.

¹¹ Там же. – С. 240.

¹² *Кантемир А. Д.* Сочинения... Т. 12. С. 102.

¹³ МИД АВПРИ. Ф. Парижская миссия, 1738 г. Д. 7. Л. 120.

¹⁴ Там же. Л. 112об.

¹⁵ *Кантемир А. Д.* Сочинения... Т. 2. С. 103.

¹⁶ МИД АВПРИ. Ф. Парижская миссия, 1739 г. Д. 5. Л. 23об.

¹⁷ Там же. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 24.

¹⁹ Там же. Ф. Сношения России с Англией, 1736 г. Д. 598. Л. 35об.

²⁰ Альманахом в XVIII в. называли издание, включавшее разные анекдоты и житейские истории. *Кантемир А. Д.* Собрание... С. 141.

²¹ МИД АВПРИ. Ф. Парижская миссия, 1739 г. Д. 5. Л. 33.

²² *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира, с введением и примечаниями проф. *В. Н. Александренко* // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. – СПб., 1903. – Т. 73. – С. 11.

²³ *Кантемир А. Д.* Сочинения... Т. II. С. 97–98.

²⁴ *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира... С. 91.

²⁵ Перевод с итал. см.: *Прийма Ф. Я.* А. Кантемир и его французские литературные связи // Труды отдела новой русской литературы. – М.-Л., 1975. – Т. 1. – С. 10–11.

²⁶ *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира... С. 11.

²⁷ См.: *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. – Варшава, 1897. – Т. 1. – С. 423–424.

²⁸ См.: МИД АВПРИ. Ф. Парижская миссия, 1739 г. Д. 5. Л. 8-8об.

²⁹ См.: *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира... С. 202–203, 205–206.

³⁰ См.: *Александренко В. Н.* К биографии кн. А. Кантемира. – Варшава, 1896. – С. 13–14. Далее по этому изданию в тексте (в скобках) указаны номера книг (по списку) из библиотеки А. Кантемира.

³¹ См.: История английской литературы. – М.-Л., 1945. – Т. 1. – Вып. 2.

³² См.: *Елистратова А. А.* Английский роман эпохи Просвещения. – М., 1966. – С. 31–44.

³³ С соответствующими изменениями (*лат.*). Перевод // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). – Вып. 2. – М., 2003. – С. 126. Оригинал см.: МИД АВПРИ. Ф. Парижская миссия, 1739 г. Д. 5. Л. 14.

³⁴ История английской литературы. Т. 1. Вып. 2. С. 187.

³⁵ Перевод // Россия и Запад... Вып. 2. С. 104. Оригинал см.: МИД АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией, 1736 г. Д. 598. Л. 16об.

³⁶ *Виндельбанд В.* История новой философии... С. 319.

³⁷ Там же. С. 296–299.

³⁸ Здесь и ниже цитаты приводятся по изданию «Россия и Запад...», вып. 2 (с. 123); далее ссылки в тексте с указанием страницы.